

Андрей Нарратив

**Таблица
умножения.
Сим-нарратив**

18+

Андрей Нарратив

Таблица умножения. Сим-нарратив

«Автор»

2026

Нарратив А.

Таблица умножения. Сим-нарратив / А. Нарратив — «Автор», 2026

Вы помните, как в школе вы учили таблицу умножения? Скучно, долго, со слезами. Но вы выучили. А если бы нет? Сергей Петрович — начальник отдела, уважаемый человек, но перед заказчиком опозорился: не смог умножить пять на семь. Сосед сверху дал номер. Компания «Пифагор» обещает: 72 часа — и вы будете знать всё. Гарантия 100%. Цена — 1200 евро. Вот только метод обучения — экспериментальный. Вас посадят в кресло, пристегнут ремнями, наденут алюминиевые перчатки. И за каждую ошибку будут бить током, жечь, морозить, давить иглами. Система не прощает пауз. Но результат того стоит. Главное — не умереть до окончания курса. Рассказ в жанре техносим: три слоя реальности, три взгляда на цену знания.

Андрей Нарратив

Таблица умножения. Сим-нарратив

Вы давно проверяли себя на знание таблицы умножения?

Не надо отвечать вслух. Просто вспомните. Семью восемь? Шестью девять? Восемью восемь?

Пока вы вспоминали – была там секунда? Пауза? Моргнули? Зависли? Или сразу сказали ответ?

Не надо отвечать. Я знаю.

По последним данным, восемьдесят процентов взрослого населения России не знает таблицу умножения полностью. Хотя это были самые простые числа, которые мы учили во втором классе, когда за окном была осень.

В Советском Союзе полностью не знали таблицу умножения сорок пять процентов населения. Тоже много. Но это так, к слову.

Наша история – о Сергее Петровиче Салаватове. Сергей Петрович не знал таблицы умножения. Ну и чёрт бы с ней, правда? Кому она сейчас нужна, эта таблица. Калькулятор в телефоне, голосовой помощник, Эксель сам всё посчитает. Не обязательно знать, сколько будет семью восемь, когда у тебя высшее образование, двадцать три года стажа и должность начальника отдела. Не обязательно. Но иногда – приходится.

Сергей Петрович работал на предприятии. Не скажу, каком, чтобы не светить, но таком, куда часто приезжали люди. Заказчики. Партнёры. Инвесторы в дорогих костюмах, которые смотрят на цеха, кивают, задают вопросы. Вопросы. Всегда вопросы. И иногда они начинали считать.

– Вот ваша продукция, Сергей Петрович, в этой части дороже на семнадцать процентов в сравнении с конкурентами. Сами прикиньте, при объёме партии в триста единиц – какая разница в бюджете?

Сергей Петрович кивал. Улыбался.

– Хороший вопрос, – говорил он. – Давайте я лучше покажу вам нашу новую линию сборки.

И уводил их в другой цех. Это работало. Почти всегда. Почти.

Однажды не сработало. Стояли у стенда с образцами. Заказчик – крупный, с толстыми пальцами, в часах, которые стоят как «Лада Гранта», – щупал материал, хмыкал, крутил в руках деталь.

– А вес? – спросил он. – Вот эта штука сколько тянет?

– Пять килограмм, – сказал Сергей Петрович.

– А нам нужно семьдесят штук. Сколько это в тоннах выйдет?

Пятью семь – это ... Тридцать пять... Вроде бы. Значит, семьдесят штук – это триста пятьдесят килограмм.

Он открыл рот, чтобы сказать это вслух, и вдруг понял: а в тоннах? Триста пятьдесят килограмм – это... это сколько?

Цифры в голове смешались. Тридцать пять сотых? Или триста пятьдесят тысячных? Он молчал. Секунду. Две. Три.

Затылок стал мокрым.

– Триста пятьдесят килограмм, – сказал он наконец. – Ноль целых тридцать пять сотых тонны.

– А, – сказал заказчик. – Ну да, логично.

Он отвернулся. Сергей Петрович выдохнул. Но внутри уже всё горело.

В тот вечер он сидел на кухне и смотрел в одну точку. Жена спросила: устал? Он сказал: да. Она не стала лезть. Хорошая жена, умная. За двадцать семь лет научилась чувствовать, когда можно, а когда лучше не надо.

Сергей Петрович достал листок. Ручку. Написал столбик:

Дважды три – шесть? Дважды четыре – восемь? Дважды пять – десять.

Дальше пошло хуже. Дважды шесть – двенадцать – это он помнил. А дважды семь? Четырнадцать. Вроде. Да, четырнадцать. Трижды три – девять. Пятью пять – двадцать пять.

Дальше – стена. Он смотрел на пятью шесть. Тридцать. Или тридцать пять? Нет, тридцать. Пятью семь – тридцать пять. А пятью восемь? Он закрыл глаза. Пятью восемь – сорок. Он открыл глаза и посмотрел на часы. Прошло двадцать минут. Он выучил пять столбиков.

В одиннадцать лёг спать. Утром он проснулся и не помнил ничего.

Две недели. Две недели ада. Каждый вечер он садился за стол и зубрил. Как в школе. Как во втором классе, когда у доски стояла Нина Ивановна и смотрела поверх очков, а он смотрел в пол и слышал только стук собственного сердца.

– Салаватов, сколько будет семью восемь?

Молчание.

– Садись, два.

Он сидел на последней парте и смотрел, как отличница Лена Косицына бойко отстреливает ответы, один за другим, без запинки, как из пулемёта. Лена Косицына сейчас живёт в Германии, у неё свой бизнес и три высших образования. А он – начальник отдела, который не знает, сколько будет семью восемь.

По ночам ему снилась таблица. Цифры плясали, менялись местами, множились, делились, превращались друг в друга. Шестью семь – сорок два, восемью восемь – шестьдесят четыре – это он помнил. А шестью восемь? А восемью девять? Он знал это. Он сто раз повторял. Но стоило закрыть учебник – и всё исчезало. Как сквозь сито. Как в дырявое ведро. Он наливал знания, они вытекали, и к утру ведро было пустым.

– Да что ж это такое, – шептал Сергей Петрович в темноту. – Ну почему я не могу это запомнить?

Цифры молчали. Им было всё равно.

На пятнадцатый день он сдался. Сидел на кухне, смотрел на листок, исписанный столбиками, и чувствовал только пустоту. Огромную, серую, бесконечную пустоту. В ней плавали цифры – пятьдесят шесть, сорок восемь – и тонули одна за другой.

– Не идёт, – сказал он вслух. – Не лезет. Хоть тресни.

Жена уже не спрашивала. Она приносила чай, ставила на край стола и уходила. Чай остывал. Сергей Петрович не пил. Он сидел и смотрел, как за окном темнеет. И думал: а если в следующий раз не получится увести разговор? Если заказчик будет настойчив? Если спросит прямо: «Сколько будет пятью семь, Сергей Петрович?» – и будет ждать ответа?

Он не знал, что ответит. Он не знал, как жить дальше.

В тот вечер он возвращался домой позже обычного. Лифт не работал – опять, уже третью неделю. Объявление в подъезде обещало починить «в ближайшие дни», но никто не верил. Сергей Петрович пошёл пешком. Пятый этаж. Шестой. Седьмой.

На восьмом он остановился перевести дух.

И тут дверь квартиры открылась.

– Сергей Петрович, – сказал сосед. – А я вас жду.

Соседа звали дядя Вася. На вид – за шестьдесят, седой, сутулый, в очках с толстыми линзами. Работал то ли инженером, то ли на пенсии уже, никто точно не знал. Жил один. Здоровался всегда, но в разговоры не вступал.

– Заходил давеча к вам, – сказал дядя Вася. – Жена сказала, вы на работе задерживаетесь. Я и решил подкараулить.

– По делу? – спросил Сергей Петрович.

Дядя Вася оглянулся. Лестничная клетка была пуста. Только лампочка моргала, усталая, старая, готовая вот-вот перегореть.

– Слышал я, – сказал дядя Вася тихо. – У вас трудности.

Сергей Петрович напрягся.

– С таблицей умножения, – добавил сосед. – Жена ваша ни при чём, не думайте. Я сам догадался. По вечерам слышно, как вы таблицу учите. Слышимость вечером хорошая, шумо-изоляция никакой, вот и слышен ваш бубнёж.

Сергей Петрович почувствовал, как кровь приливает к лицу.

– Извините, – сказал он. – Я не хотел...

– Да бросьте, – перебил дядя Вася. – Я же не следователь. Я помочь хочу.

– Чем помочь?

Сосед шагнул ближе. В тусклом свете его очки блеснули – два мутных зеркала.

– Я тоже мучился, – сказал он. – всю жизнь. Пятьдесят пять лет – и ни хрена. Дважды два – четыре, это пожалуйста. А дальше – стена. Иду в магазин, считаю сдачу – и пальцем в небо. Дочь учила – бесполезно. Внуки смеялись. Я уже думал, с этим и умру.

Он замолчал.

– А сейчас? – спросил Сергей Петрович.

Дядя Вася улыбнулся. Улыбка у него была странная – не счастливая, не гордая. Удовлетворённая.

– А сейчас я таблицу до ста знаю. Назубок. Одиннадцатью одиннадцать – сто двадцать один. Двенадцатью двенадцать – сто сорок четыре. Хотите – дальше?

Сергей Петрович смотрел на него и не верил.

– Это... как?

Дядя Вася оглянулся снова. Лестничная клетка молчала. Лампочка моргала, предвещающая скорую свою кончину.

– Номерок есть, – прошептал сосед. – Один звонок – и гарантированно через пару дней будешь знать. Я зуб даю.

Сергей Петрович сглотнул.

– Что за номер?

– Тсс, – дядя Вася прижал палец к губам. – Никому. Секрет. Разглашать – ни-ни.

Он сунул руку в карман халата, пошарил, вытащил смятый клочок бумаги.

– Держите.

Сергей Петрович взял. Бумага была тёплая. На ней чернели цифры – десять знаков, обычный мобильный номер. Ни имени, ни подписи. Только цифры.

– Позвоните, – сказал дядя Вася. – Скажете: от меня. И всё.

– И что дальше?

Сосед уже повернулся уходить. В темноте его силуэт казался размытым, нечётким, будто нарисованным плохим художником.

– А дальше, – сказал он, не оборачиваясь. – Дальше вы будете знать таблицу умножения. Дверь закрылась.

Сергей Петрович остался на лестнице. В руке – бумажка. В голове – пустота.

Дома он не стал ничего рассказывать жене. Сел на кухню. Положил клочок перед собой. Смотрел на цифры. Десять знаков. Обычный номер. Что в нём такого особенного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.